

Проходя мимо той самой комнаты для совещаний, Чжэн Инь увидел, что дверь распахнута настежь и все расходятся. Чжоу Жу и оператор курили в коридоре. Увидев Чжэн Иня, Чжоу Жу с улыбкой спросила:

— А молодой господин почему не с тобой?

— Не смог его поймать — он очень шустрый, — Чжэн Инь остановился. — Ну как, довольна им?

— Если я буду недовольна кандидатом, выбранным самим Цао Сююанем, единственным ребёнком Ли-лаоши, с такими выдающимися данными, то со мной вообще невозможно будет работать, — Чжоу Жу покачала головой и рассмеялась, держа сигарету тонкими пальцами.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Чжэн Инь. — Значит, ты не зря рисковала, отдавая мне сценарий.

— Мне, кстати, и тот мальчик, который был с ним, понравился, — Чжоу Жу, как всегда, была прямолинейна и пошутила: — Знала бы я, что Цао Сююань найдёт такого подходящего мальчика в пару к молодому господину, написала бы сценарий для двоих главных героев. Жаль, что пришлось выбирать одного. Это так жестоко.

— Через такое проходят все новички.

— Это точно... — пожала плечами Чжоу Жу.

— Ладно, пойду в туалет, — сказал Чжэн Инь с улыбкой, указывая вперёд.

Чжоу Жу жестом показала ему направление и вернулась к болтовне с оператором и недокуренной сигарете.

Павильон был построен недавно, в начале этого года, поэтому туалеты были чистыми и опрятными. Лян Сычжэ стоял в кабинке, тупо уставившись на серо-белую перегородку. Он машинально потирал костяшку среднего пальца большим пальцем левой руки. Ему казалось, что душевная рана от той истории зажила и затянута шрамом. Той ночью, когда Цао Сююань спросил, может ли он ещё играть, он не ощутил боли. Но слова, только что услышанные за дверью, заставили его понять, что это не шрам. Шрам — это признак зажившей раны, на которой уже выросла новая кожа. А у него — струп, который покрывает рану. На первый взгляд кажется, что уязвимая плоть надёжно защищена, но стоит поддеть ногтем — струп легко отрывается, из раны начинает сочиться кровь, острая боль пронзает нервные окончания... Да, это действительно очень больно.

Всю свою семнадцатилетнюю жизнь, сколько он себя помнил, мать брала его с собой на уроки скрипки. Малышом он уже тянулся к четырём волшебным струнам. Все его хорошие и плохие воспоминания были связаны со скрипкой. В пять лет он учил «Летнюю ночь», в семь — «Влюблённых-бабочек», в тринадцать — соло Баха для скрипки, в пятнадцать — Паганини...

«Пока не выучишь эту пьесу, обедать не будешь».

«Папа специально приехал посмотреть на твоё выступление».

«Эта женщина сказала, что у тебя есть талант. А она всемирно известная скрипачка».

«Мой сын такой молодец! Папа не зря тебя любит. Что ты хочешь в подарок?»

«На этот конкурс мы с мамой поедem вместе с тобой... Что значит «не нужно»? На такой важный конкурс мы обязательно должны поехать! Или ты хочешь, чтобы только мама поехала? Что ты хмуришься... Хочешь, чтобы папа поехал? Ладно-ладно, я больше не буду об этом...»

Но всё это оборвал резкий визг тормозов и крики ужаса, внезапная тяжесть и тепло чужого тела. Скрипку — большую часть его жизни, смысл его существования — грубо вырвали из его рук. «Да, я бесполезен...» — раздался голос в глубине его сознания. Тот человек был прав, не так ли? За дверью послышались шаги, затем голос Чжэн Иня:

— Сычжэ, ты здесь?

Лян Сычжэ не ответил.

— Ничего страшного, если ты не хочешь выходить, я буду говорить отсюда, — после небольшой паузы продолжил Чжэн Инь.

«Ладно, хуже уже не будет», — подумал Лян Сычжэ. Раз это неизбежно, лучше говорить лицом к лицу.

— Я здесь, — ответил он хриплым голосом, открывая дверь и равнодушно глядя на Чжэн. — Говорите.

Он встал перед Чжэн Инем, вытянувшись в струнку, и теперь было видно, что он чуть выше собеседника. Выражение его лица стало почти непроницаемым. В свете, льющемся из полупрозрачного окна, его худощавое тело было как тонкое лезвие, сверкающее острой кромкой. «Слишком твёрдое легко ломается...» — подумал Чжэн Инь, глядя на этого хрупкого, будто состоявшего из одних острых углов юношу.

— Сычжэ, — начал он, осторожно подбирая слова, — учительница музыки рассказала мне о твоей ситуации...

Лян Сычжэ перебил его, не дожидаясь конца фразы:

— Не нужно говорить о прошлом. Мне не нужна жалость.

Чжэн Инь опешил, но быстро пришёл в себя и кивнул:

— Хорошо. Тогда поговорим о настоящем. Ты же слышал, о чём мы говорили?..

Лян Сычжэ коротко ответил:

— Да.

— Знаю, это было слишком. Я извиняюсь перед тобой от имени группы...

— И этого тоже не нужно говорить, — почти равнодушно сказал Лян Сычжэ. — Мне это не нужно, и я не принимаю извинений.

— Хорошо. Не буду, — Чжэн Инь кивнул. — Поговорим о кастинге.

К его удивлению, Лян Сычжэ не собирался идти у него на поводу.

— Я буду спрашивать, а вы отвечать. Так можно?

«Характер этого парня в точности соответствует внешности, — подумал Чжэн Инь. — Новичок не должен быть так упрям и непреклонен со старшими. Какой мальчика сразу же возьмёт инициативу на себя?..» Но вслух он произнёс лишь:

— Хорошо. Что ты хочешь спросить? — и мягко улыбнулся.

Лян Сычжэ сразу перешёл к делу:

— Вы с самого начала планировали отдать эту роль Цао Е, верно?

— Изначально мы действительно думали утвердить Цао Е... — немного промолчав, ответил Чжэн Инь.

Он говорил медленно и не успел он закончить фразу, как Лян Сычжэ задал следующий вопрос:

— Тогда зачем вы нашли меня и привезли сюда?

Чжэн Инь решил не приукрашивать ситуацию и, покачав головой, сказал прямо:

— Сычжэ, ты не понимаешь, каковы риски утверждения новичка на главную роль. Речь идёт о миллионах, даже сотнях миллионов инвестиций, о труде сотен сотрудников. Мы должны ответственно подходить к выбору актёров.

Он сделал паузу и посмотрел на Лян Сычжэ. Тот слегка нахмурился, в его глазах читалось равнодушие и холодность, но он не перебивал. Чжэн Инь продолжил:

— Прежде чем дать новичку роль, мы проводим многоэтапный отбор. Видел сегодня тех, кто пробовался вместе с вами? Они прошли все эти этапы, чтобы предстать перед режиссёром Цао... Тебе повезло: он сразу тебя заметил. Он сказал: «Если хочешь попробовать, приезжай с нами в Пекин». Но не гарантировал, что тебя выберут. Это касалось и Цао Е, иначе не было бы смысла привозить его сегодня на прослушивание.

Он говорил долго, но, к его удивлению, Лян Сычжэ не перебивал и, выслушав, спокойно кивнул:

— Я понял.

Чжэн Инь тихо вздохнул и спросил:

— Есть ещё вопросы?

— Решение уже принято?

— Ты же сам всё слышал у двери. Не буду скрывать, сейчас все склоняются к тому, чтобы утвердить Цао Е.

— Понятно, — Лян Сычжэ опустил глаза. — Значит, я могу уехать в любое время?

— Ну... — Чжэн Инь замялся. — Думаю, тебе стоит поговорить с режиссёром Цао перед отъездом. Но Сычжэ, Пекин — большой город, здесь много возможностей. Если хочешь остаться, можешь продолжать жить в той комнате в «Лазурной вечеринке»...

Услышав это, Лян Сычжэ поднял голову и прямо спросил:

— Чтобы я и дальше присматривал за Цао Е?

Чжэн Инь горько усмехнулся:

— Если ты хочешь так думать, не буду разубеждать... И ещё, я же говорил, что у меня перед тобой должок. Если ты действительно интересуешься актёрской карьерой, я могу помочь тебе с пробами в других проектах.

Лян Сычжэ покачал головой:

— Хотите вернуть долг — честно ответьте на последний вопрос.

— Спрашивай.

— Вы выбрали Цао Е потому, что он действительно лучше всех подходит на эту роль, или потому, что он сын режиссёра Цао?

Чжэн Инь не ожидал такой пронизательности. Он опешил, а затем ответил, обдумывая каждое слово:

— Как бы это сказать... Сценарист написал этот сценарий, вдохновившись его фотографией. Если бы не Цао Е этого сценария, этого фильма, возможно, вообще бы не существовало. Режиссёр Цао не пришёл бы в твоё музыкальное училище, тебя и Цао Е не привезли бы в «Лазурную вечеринку», и сегодняшнего прослушивания тоже бы не было. Понимаешь, о чём я?

— Да, я понимаю, — ответил Лян Сычжэ, опустив глаза.

«В этом мальчишке есть какая-то гордость», — подумал Чжэн Инь, глядя на него. В конце концов, он не выдержал и похлопал Лян Сычжэ по плечу:

— Хорошо подумай о своих планах на будущее. Если понадобится помощь, звони мне, мой номер у тебя есть.

— Да, спасибо вам, — ответил Лян Сычжэ.

Когда Чжэн Инь ушёл, Лян Сычжэ подошёл к раковине и умылся. Ледяная вода немного привела его в чувство. Он посмотрел на своё отражение в зеркале — этот подавленный человек, хрупкий, с бледным, бесцветным лицом казался ему чужим. Слова Чжэн Иня заставили его задуматься. Он в Пекине, а не в Яньчэне, и тем более не в музыкальном училище. И с Цао Е у него нет никакой конкуренции. Их стартовые позиции были настолько

разными, что о соперничестве и речи не шло. Лян Сычжэ, который виртуозно играл на скрипке, звезда музыкального училища, затмевающая своим сиянием остальных, здесь, в огромном Пекине, был никем. Тем более теперь, когда он больше не мог играть. Было бы ложью сказать, что он не расстроен или что он не питал никакой надежды.

В тот день, когда Цао Сююань лично приехал к нему, он пролежал без сна всю ночь, ни на секунду не сомкнув глаз. Слова Цао Сююаня: «Для актёра неважно, умеет он играть на скрипке или нет», — открыли перед ним новый путь, позволив сориентироваться в безвыходной ситуации. В ту ночь он решил, что пора покончить с этим бесцельным существованием. Нельзя вечно стоять на месте, нужно двигаться вперёд... Но, пройдя небольшой отрезок этого пути, он осознал, что дорога ведёт в никуда. Дальше — только бездна. «Наверное, это судьба сыграла со мной недобрую шутку», — со вздохом подумал Лян Сычжэ. Подарила прекрасный сон, чтобы он понял, что ещё не совсем сломлен, что у него ещё есть силы начать новый путь. Но раз эта дорога закрыта, нужно искать другую... Пора просыпаться.

Вибрация телефона в кармане брюк вывела Лян Сычжэ из раздумий. Он вытер лицо и достал телефон из кармана. Звонил Цао Е. Нажимая кнопку ответа, Лян Сычжэ прочистил горло, но его голос всё ещё был хриплым:

— Алло?

— Они ещё там? — спросил Цао Е.

— Кажется, да, — ответил Лян Сычжэ, зная, что он спрашивает о людях из комнаты для совещаний. Он прислонился спиной к раковине.

— Почему же они ещё не ушли... Тогда выходи. Угадай, что я сделал? — игриво спросил Цао Е.

— Не знаю, — ответил Лян Сычжэ. Он был не в настроении играть в угадайку.

— Так и знал, что не угадаешь! Выходи скорее, сам всё увидишь. Я в восьмом павильоне. Давай быстрее! — поторопил его Цао Е.

— А, хорошо, — ответил Лян Сычжэ. Даже через телефон он чувствовал энергию, исходящую от Цао Е, которая подчёркивала его собственную апатию. Цао Е был подсолнухом, тянущимся к солнцу — он сам был похож на увядающее растение в тёмном углу... Эта мысль вызвала у Лян Сычжэ лёгкую улыбку. Цао Е повесил трубку. Лян Сычжэ медленно убрал телефон в карман, отошёл от раковины и вышел из туалета.

Когда он проходил комнату для совещаний, дверь была закрыта, изнутри доносились голоса, но на этот раз он быстро прошёл мимо. Выйдя из здания, Лян Сычжэ замедлил шаг. На самом деле, ему не хотелось видеть Цао Е. Точнее, ему не хотелось видеть никого, особенно Цао Е. Раньше ему не казалось, что между ними есть значительная разница. Он рос, окружённый заботой, был вундеркиндом в музыкальном училище и даже на конкурсах в Пекине был в числе лучших. Но после сегодняшнего он вдруг понял, почему Чжэн Инь с самого начала попросил его присматривать за Цао Е. Это была не просьба, а приказ, за которым скрывался подтекст: «У тебя нет шансов на эту роль, но, если ты позаботишься о моём мальчике, я могу дать тебе другой шанс». Вся эта любезность, помощь, просьба — всё это было лишь лицемерной игрой. «Как иронично, — подумал Лян Сычжэ с саркастической улыбкой. — А я ещё слишком молод и слишком наивен».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130230>